

ИСЛАМ И СУФИЗМ

Ответственный за рубрику: *Акаев В.Х.*
© Исламоведение, 2016. Т. 7. № 3 (29)
Онлайн-доступ к журналу:
<http://islam.dgu.ru>

ISLAM AND SUFISM

Responsible for the section: *Akaev V.H.*
© Islamovedenie, 2016. Vol. 7, № 3 (29)
Online access to the journal:
<http://islam.dgu.ru>

УДК
281(09)+930.85

Содержание статьи

Введение
Татарский фольклорный мунаджат как суфийский жанр
Сравнительный анализ текстов татарских мунаджатов и «Хикметов» А. Ясави
Заключение

Информация о статье

Поступила в редакцию: 26.05.2016
Передана на рецензию: 26.05.2016
Получена рецензия: 20.07.2016
Принята в номер: 25.07.2016

DOI 10.21779/2077-8155-2016-7-3-103-117

*Л.З. Бородовская**

Отражение традиций Ясавия в исламско-суфийской символике татарских фольклорных мунаджатов

Казанский государственный институт культуры; lilianotka@yandex.ru

Татарские фольклорные мунаджаты имеют большое количество исламско-суфийских образов и символов, которые требуют анализа и сравнения с основными понятиями популярного среди татар Средневековья тариката Ясавия. В целях научного исследования предварительно были проанализированы несколько крупных сборников татарских мунаджатов, сами символы сгруппированы. На основе выводов предыдущих исследований в данной работе представлен сравнительный анализ образов-символов ислама и суфизма в текстах татарских фольклорных мунаджатов и хикметах А. Ясави. Выявлено большое количество совпадений слов, образов, эпитетов-имен Аллаха, цитат из сур Корана, что свидетельствует об общих идейных корнях обоих жанров. По результатам сравнения можно сделать вывод о том, что не только идеи Накшбандия, но и в равной степени основы учения А. Ясави хранятся в фольклорных мунаджатах поволжских татар.

Ключевые слова: *хикметы, тарикаты Ясавия и Накшбандия, символика, громкий зикр, самаг.*

UDC 281(09)+ 930.85

The content of the article

Introduction
Tatar folk munajat as a Sufi genre
A comparative analysis of texts of Tatar munajats and hikmets by A. Jasavi
Conclusion

Information about the article

Received: 26.05.2016
Submitted for review: 26.05.2016
Received to review: 20.07.2016
Accepted in: 25.07.2015

*L.Z. Borodovskaya**

* *Лилия Зелымхановна Бородовская* – кандидат искусствоведения, доцент кафедры музыкально-го образования, педагогики и музыкознания Казанского государственного института культуры.

* *Lilya Selimkhanovna Borodovskaya* – Associate Professor, Ph.D. in Art History, The Department of Music Education, Pedagogy and Musicology of the Kazan State Institute of Culture.

The Reflection of Yasavi's Traditions in the Islamic and Sufi Symbolism of Tatar Folk Munajats

Kazan State Institute of Culture; *lilianotka@yandex.ru*

Tatar folk munajats have a large number of Islamic and Sufi images and symbols that require analysis and comparison with the basic concepts of Yasavi's Tariqah, popular among Tatars in the Middle Ages. For research purposes several major collections of Tatar munajats have been analyzed and the symbols were grouped. Based on the previous research, the article gives a comparative analysis of the symbolic images of Islam and Sufism in the texts of Tatar folk munajat and hikmets by A. Yasavi. The author finds a large number of coincidences of words, images, Allah names, quotes from the verses of the Koran, which testifies to the common ideological origins of both genres. Proceeding from her findings, the author concludes that not only Naqshbandy's ideas, but also the fundamentals of A. Yasavi's teaching are kept in folk munajats of Volga Tatars.

Keywords: *hikmet, tariqahs by Yasavi and Naqshbandy, symbolism, loud dhikr, samagh.*

Введение

Исламско-суфийская символика татарских фольклорных мунаджатов – одна из важнейших, малоизученных тем. В этом литературно-музыкальном жанре содержатся не только основные понятия ислама и Корана, но и таинственная суфийская символика. Татарские мунаджаты, как фольклорные, так и авторские, впитали в себя практически все богатство представлений татар об исламе – это основные категории о рае и аде, история пророков, числовая символика, 99 имен Аллаха, основные суры Корана, Кааба, а также таинство зикра, техника «сердца». Все это переплетается с доисламскими верованиями татар и болгар. Творчество татарских поэтов-суфиев М. Булгари, Х. Кятиб, Умми Камал, Кол Шариф, Мауля Колый, Габдрахим Утыз Имяни, Абельманиха Каргалы, Хибатуллы Салихова, Шамсетдина Заки, Гали Чокри, сочинявших в том числе и мунаджаты, сегодня активно анализируются филологами и философами.

Филологи, музыковеды и фольклористы в разной степени исследовали суфийские традиции татар. Среди наиболее крупных работ следует назвать книги А. Сибгатуллиной, К. Хуснуллина, М.Х. Бакирова, музыковедов М. Нигмедзянова, Г. Сайфуллиной. Однако среди имеющихся на сегодняшний день исследований по мунаджатам нет ни одной специальной работы в контексте суфийского символизма. Данное исследование является актуальным и своевременным также и потому, что часто приходится видеть поверхностный анализ текстов мунаджатов, когда затрагиваются лишь философско-этические аспекты или чувственно-художественные образы. Современное поколение исполнителей музыкального фольклора, особенно молодежь, плохо понимают смысл исполняемых ими мунаджатов и байтов, в которых много старинных слов и понятий. Требуется знание истории религии, ее символов в культурологическом аспекте. Подобные исследования призваны раскрыть богатый образный мир татарского фольклорного мунаджата, который сохранил до нашего времени не только историю исламской культуры, его основные понятия и образы, но и нравственные идеалы, художественные и музыкальные традиции.

Собственно суфийская терминология и мусульманские образы почти не рассматриваются, за редким исключением, например в статьях А. Юсупова, А. Хасавнех [17; 20]. В последние пять-десять лет появилось много статей, в которых косвенно по разным научным темам упоминаются мунаджаты – это исследования суфийской поэзии, татарского музыкального фольклора [8; 10; 12; 14; 17; 20]. Таким образом, комплексно-

го исследования по татарским мунаджатам до сих пор не сделано – в этой работе кроме филологов и музыкантов должны принять участие историки, религиоведы, культурологи и фольклористы. Учитывая огромный по количеству материал, это может быть самостоятельная монография. О междисциплинарном подходе в таких исследованиях все чаще пишут многие ученые, например З. Сайдашева [12].

Для изучения суфийской символики могут стать ценными редкие рукописи, впервые представленные казанским филологом Г.Г. Зайнуллиным. Арабиграфичные тетради, написанные Николаем Гавриловичем Чернышевским в период обучения им в Саратовской духовной семинарии (середина XIX в.), – это исторические предания, *мунаджаты*, образцы татарской богословской и суфийской литературы. Для нас особо ценным в этих рукописях могла бы стать тетрадь Чернышевского № 898, в которой «изложена история создания Аллахом трона, скрижали, рая, солнца, луны, звезд, Каабы (священное место поклонения всех мусульман мира в г. Мекка), а также его пророков, ангелов и др.» [9, с. 105]. Полный текст рукописей Н. Чернышевского требует издания и научных комментариев.

Татарский фольклорный мунаджат как суфийский жанр

Жанр *мунаджата* широко известен в мировой исламской культуре с самых первых веков возникновения этой религии. Само слово арабского происхождения, его смысл – «тайная беседа» – подразумевают использование этого жанра буквально каждым мусульманином, который (кроме обязательного 5-кратного намаза на арабском языке) мог складывать поэтические личные молитвы – «просьбы к Аллаху» на родном языке или заучивать известные в народе тексты. Поэтому «мунаджат» известен в самых разных регионах, где исповедуют ислам, бытует он в разных формах в составе синкретических действий, например «муночот» есть часть устного профессионального циклического жанра «фалак» у таджиков [2]. Этот популярный жанр присутствует в творчестве знаменитых поэтов, в музыкальных радениях суфийских тарикатов (как часть обрядов зикра) и как фольклорный жанр. До сих пор многие жители татарских сел сочиняют мунаджаты, о чем свидетельствуют нотные сборники казанских фольклористов Г.М. Макарова и А.Р. Еникеевой. На волне возрождения традиционной культуры, начиная с 1990-х годов, в Татарстане периодически проводятся конкурсы сказителей баитов и мунаджатов, поэтические вечера.

Мировые образцы мунаджата в первую очередь ассоциируются с именами крупнейших суфиев – Абд-Аллаха аль-Ансари, Алишера Навои, Мухаммада Челяби (XIV–XV вв.), Хафиза (XIV в.), Санай (XI–XII вв.), А. Ясави и многих др. На основе многовекового суфийского творчества появились культовые виды суфийской литературы – таухид, нагт, зикр, салават, сияр, маулид, мигразия, хийлия, рамазания, хикмат, мадхия и марсия. Поэтому мунаджат стилистически тесно связан со всем циклом суфийских жанров и с фольклорными традициями. Автор исследования жанра «месневи» двух знаменитых суфийских поэтов Амира Хосрова Дехлеви «Матла ал-анвор» и Алишера Навои «Хайрат ал-аброр» О.Н. Абдуллоев выявляет в структуре вышеназванных сочинений по 3–4 главы в жанре *мунаджат* [1].

Поскольку часто невозможно точно установить дату сочинения того или иного фольклорного мунаджата, следует определить наличие слов-образов, суфийских понятий, которые можно соотнести с тем или иным периодом татарской истории или с творчеством суфийских основоположников. Учитывая, что первые века ислама в Волжской Булгарии были отмечены влиянием учений Ал-Газали (XI в.) и А. Ясави (XII в.),

С. Бакыргани (XII в.), можно сделать вывод, что до сего дня постулаты трактатов Ал-Газали и наставления авторитетных суфиев находят отголоски в народно-исламской традиции татар, а именно в мунаджатах. Современные историки указывают на то, что тарикаты, оказавшие наибольшее влияние на казанских татар, – это Ясавия (с XII в.) и Накшбандия (с XIV в.). Часто приходится читать исторические свидетельства о спорах и оппозиционных отношениях двух суфийских братств из-за «громкого зикра», особенно в Средней Азии, о «поглощении» идей Ясави накшбандиями, хотя в идеологическом плане у двух тарикатов много общего. Основные примирительные факты духовной общности этих двух тарикатов были найдены при изучении их силсилы (цепь духовной преемственности у суфиев), по которой знаменитый суфийский шейх Юсуф Хамадани значится как муршид (учитель) А. Ясави и А. Гиждувани (учитель Накшбанди).

На примере мусульманской культуры казанских татар, на тех фактах, что долгие столетия основными источниками по мусульманскому воспитанию оставались хикметы Ясави и книги Бакыргани («Диван-и Хикмэт», «Хэким ата китабы»), можно говорить о том, что был осуществлен постепенный, *плавный переход* от ясавийского к накшбандийскому типу зикра. Факты долгого сохранения в памяти татар учений обоих тарикатов также свидетельствуют о сохранении двух типов зикра вплоть до XIX в. По описаниям историков «зикр пилы» в духе Ясави в чистом виде остался лишь в отдельных регионах Средней Азии и Казахстана, т. е. под понятием «громкий зикр» среди татар Поволжского региона можно считать наличие музыки, пения, танцев в суфийских радениях, неотъемлемой частью которых являлись мунаджаты.

При внешнем господстве «тихого зикра» тариката Накшбандия (в период с XVI в.) достаточно ярким свидетельством сохранения традиций тариката Ясави является многократное переписывание и затем переиздание именно его сочинений, являвшихся «учебниками» для простых мусульман. Многие исследователи суфизма придерживаются точки зрения, что учение Ясави явилось теоретической базой для накшбандиев. Как известно, основные отличия тарикатов заключаются именно в формуле зикра, его особенностях. Переход от «громкого» зикра к «тихому» для татар произошел (кроме прочих условий) под влиянием исторических обстоятельств 1552 года, когда после взятия Казани Иваном Грозным не позволялось отправлять мусульманские ритуалы. Постепенно практика «тихого зикра» стала преобладать. Многие татарские священнослужители XVII–XIX вв. стали последователями бухарских шейхов, мюридами шейхов-ишанов тариката Накшбандия. В этот период можно говорить о формировании особого «татарского зикра» синтетического плана с «отголосками» хикметов Ясави и строгими правилами «тихого зикра» Накшбандия.

В эти века система исламского образования татар была почти разрушена, а в традиционной мусульманской культуре казанских татар, благодаря народной памяти, имело место мирное сосуществование двух учений. Г. Макаров пишет в своих исследованиях, что в средневековый период знаменитые музыканты-дервиши демонстрировали искусство суфийской музыки и пения [10]. Только глубокими предыдущими традициями татарских суфийских зикров можно объяснить особую любовь казанских татар к музыке и поэзии на всем протяжении истории. Вот как характеризует историк А.М. Ахунов татарские мунаджаты: они «были невероятно популярны среди татар и наряду с такими произведениями, как «Бэдавам», «Ахыр заман китабы», «Кисекбаш китабы» и др. исполнялись в татарских мектебе и медресе в качестве обязательного элемента учебной программы [...], мунаджаты имеют явно мусульманское происхож-

дение и тесно связаны с арабо-мусульманской культурой и, видимо, проникли к татарам вместе с исламом и коранической литературой» [5, с. 151].

Традиция пения и сочинения мунаджатов у татар была пронизана ритмикой арабского стихосложения и одновременно пентатонической распевностью татарского фольклора. В текстах мунаджатов и популярного религиозно-суфийского сборника «Бэдавам» мы часто встречаем в качестве редифа (припева) типичные для зикра слова – формулы «громкого зикра» Ясави – это «Алла дигель Бэдавам» («Постоянно повторяй Аллах»), «Ху-ху» (краткий слог божественного имени, часть «громкого зикра»). Исследователь дагестанского суфизма Шихалиев пишет, что шейхи тариката Накшбандия – Халидия допускают практику двух типов зикра. Мудрые шейхи не видели в этих различиях очень больших религиозно-этических проблем, они придерживались мнения, что «громкий зикр» верно употреблять новым последователям суфизма, а «тихий зикр» как наиболее сложный и высокий ритуал духовного приближения к таинствам ислама должны использовать наиболее опытные суфии и шейхи. «В этом отношении интересно мнение шейха Халидия Илийаса ал-Цудахари (ум. в 1904). Он считал, что начинающему муриду нужно поручать совершение громкого зикра, так как человек, который не избавился от многих грехов и мирские блага для которого превалируют над духовными ценностями, не в состоянии совершать зикр сердцем» [19, с. 141]. В этой мысли, возможно, есть косвенное объяснение существования двух видов зикра и у татар в XIX в. Известен факт, что в этот период многие татарские богословы обучались не только в Бухарском регионе, но и в Дагестане, поэтому традиции региональных исламско-суфийских контактов Поволжья и Дагестана имеют давние многовековые корни.

Распевание суфийских книг «Бэдавам», мунаджатов, салаватов в XVIII–XIX вв. было дозволено официальными властями, так как выглядело как «звуковой» метод обучения чтению («поют – ну и пусть поют»). В условиях запрета мусульманской религии суфийский зикр стал единственно возможной формой соблюдения религиозных канон. Так как в зикр входят чтение отрывков из Корана, распевание хикметов Ясави, суфийских стихов, мунаджатов, то этого было достаточно, чтобы не привлечь внимания властных структур. Таким образом, мы видим, что громкий «зикр пилы», пляски «ракс» и другие проявления старой традиции тариката Ясавия не использовались в этот период, но традиция «звукового», музыкального зикра татар еще ждет своего подробного изучения. Даже беглый анализ текстов и образов многих лирических, игровых, такмачных татарских песен свидетельствует об их сопричастности суфизму. Поэтому не только мунаджаты и байты, но и многие другие жанры татарского фольклора имеют значительный мусульманский оттенок в образах, словах-формулах и символике. Основные этические установки татарского суфизма – это особая веротерпимость и толерантность, активная трудовая жизнь рядовых мусульман-суфиев (не приветствовалось массовое отшельничество), разрешение на совместные зикры мужчин и женщин и многое другое – отразились в суфийских текстах.

Сравнительный анализ текстов татарских мунаджатов и «Хикметов» А. Ясави

Сравнительный символический анализ татарских фольклорных мунаджатов и хикметов А. Ясави вскрывает многие параллели, фиксируя факт долгой сохранности в народной памяти основ учения этого тюркского шейха. Возможно, что традиция сочинения татарских народных мунаджатов идет от начала проникновения идей тариката Ясавия на территорию Волжской Булгарии, имевшей постоянные тесные контакты с мусульманским миром. Современный исследователь татарского фольклорного жанра

«багышлау» Г. Сайфуллина пишет: «Хикметы Йасави всегда имели широкое хождение среди мусульман Волжско-Уральского региона. Это показывает, что традиции, или, в конце XX века, «память», связанная с именем Йасави, все еще жива среди татар. Обобщая в более широком контексте, это можно сказать о среднеазиатском суфизме в целом, что подтверждает круг имен, упоминающихся в багышлау» [13, с. 20].

Материалы анализа представлены на основе выводов предыдущих исследований по символике текстов татарских мунаджатов, которые были сделаны автором ранее при изучении трех наиболее интересных и разнообразных фольклорных татарских сборников. Были проанализированы сборники: «Мөнәжәтләр» издательства «Иман», 2000 г. [11]; «Сокровищница зикра. Книга поминания Аллаха» 2000 г. [15]; «Мөнәжәтләр һәм бәетләр» Кутдуса Хуснуллина 2001 г. [18].

Всю исламско-суфийскую символику можно сгруппировать следующим образом: общемусульманские образы – Коран, пророк Мухаммад, «Судный день», «рай-ад» и др.; суфийские символы – зикр, тарика, образ «сердца», молитвенные формулы зикра, 99 имен Аллаха, ступени духовного восхождения и др.; сакрально-эзотерические символы («ильм-батин») – буквенно-числовая, графическая, цветовая, звуковая и др. Третья группа наиболее обширная и сложная, требует отдельного исследования, поэтому здесь будут даны выводы сравнительно-символического анализа только по первой и второй группам символических форм исламско-суфийской традиции.

«Знаменитые "Диван-и Хикмет" – общее наследие тюркоязычных народов, они передавались из уст в уста, из поколения в поколение, призывали народ к честности, справедливости, доброжелательности и терпению. Исторические документы свидетельствуют, что "Хикметы" переписывались множество раз, редактировались, дополнялись» [21, с. 5]. И этот факт подчеркивают многие ученые-филологи, историки. В контексте данного анализа важно именно то, что этот литературный памятник вобрал все основные идеи последователей тариката Ясави, стал на много столетий настольной книгой и учебником для простых мусульман тюркского мира. Проанализировав тексты хикметов А. Ясави, выявляем богатство исламско-суфийских образов и символов, которые также распределяются по основным группам – общеисламская, суфийская, сакрально-эзотерическая.

Общемусульманская группа символических образов возглавляется многочисленными эпитетами и прославлениями Бога. Многие хикметы имеют редифы, посвященные Аллаху:

- № 4 («Поэтому я молюсь Всевышнему»),
- № 5 («О, Великий Повелитель, Тебе поклоняюсь я всегда!»),
- № 6 («В великом трауре я пришел к Хак Мустафе»),
- № 11 («С каким лицом я появлюсь у Хазрета?»),
- № 14 («Всегда я брал урок у Хак-а»),
- № 15 («Молитвы Тебе посвящая»),
- № 18 («Что же мне делать, о, Аллах?!»),
- № 32 («О, Создатель, сделай так, чтобы я полюбил»),
- № 42 («Благодарно, самозабвенно поклоняйтесь Аллаху»),
- № 114 («По этой причине, боясь Аллаха, я ушел в темноту»),
- № 119 («Друзья, назовет ли меня Аллах своим рабом?»),
- № 125 («Ради кого пришел Посланник, вы поняли?»),
- № 144–145 («Возьми меня за руку, направь на верный путь, о, мой Предводитель»),

№ 148 («О, Аллах, прости мне мои прегрешения»).

По традиции многие тарикаты считают первым суфием пророка Мухаммада и возводят свою силсилу до него. Редиф восхваления пророка Мухаммада встречаем в хикметах № 23–25: «О, Мухаммед!», «сказал Мухаммед» [21, с. 36], в № 26 выделяется типичная формула припевов татарских мунаджатов («Йа, Мухаммад Мостафа!»):

«Ты бесконечная Истина справедливости, о, *Мустафа Мухаммед*.

Ты твердь терпимости, о, *Мустафа Мухаммед*.

Ты провидца мырза, писарь святых,

Предводитель заблудших, о, *Мустафа Мухаммед*» [21, с. 38].

Среди самых важных молитвенных цитат из Корана чаще всего повторяются шахада и начальные строки «Фатихи», например:

«О, Аллах! Я буду искать Тебя и по следу пойду.

Все время буду говорить: "*Ля Илаһа илла Аллах*".

Где я Тебя найду, принесу в жертву свою жизнь.

Стану я жертвой Твоей: "*Ля Илаһа илла Аллах*".

Отдам я тебе сердце и душу и хочу это увидеть.

Душа и сердце мои горят.

Я душой своей говорю: "*Ля Илаһа илла Аллах*".

Влюбленные не знают покоя, их душе от недуга нет исцеления.

Надо только всегда от души говорить: "*Ля Илаһа илла Аллах*".

Ахмед ибн Ибрахим всегда безупречно говорил эти слова.

Всегда говорите, мои дорогие: "*Ля Илаһа илла Аллах*" [21, с. 169].

«Если скажу: "Агузу би-ллахи мин аш-шайтан ар-ражим",

Если с терпением подарю цветы своей души» [21, с. 157].

Слова, посвященные описанию Судного дня, находим в хикметах № 86, 127 (реди́ф «В Судный день не заставляй меня терзаться»). Связанный с ним образ моста «Сират» описан наиболее красочно во многих хикметах, например:

1) «Очень сильно испугался я Сирата,

Потерял сознание, чуть не сошел с ума» [21, с. 48];

2) «Через мост по имени Сират, который тоньше

И острее лезвия меча, лжецы не пройдут на том свете» [21, с. 107];

3) «Когда буду идти по мосту Сират,

В Судный день не заставляй меня терзаться» [21, с. 162];

4) «Милостиво избавь своего несчастного раба,

Помоги пройти через мост Сират.

Ты, мой Владыка, прости мои ошибки.

В Судный день не заставляй меня терзаться» [21, с. 163];

5) «Протянут над огненной геенной мост Сират.

Увидевшие это поразятся» [21, с. 169];

6) «У влюбленных на устах улыбка, а в сердце дрожь.

Ради Аллаха на глазах слезы и в сердце истома.

Душа – молитва, на сердце милосердие и доброта.

Иншаллах, они пройдут через мост Сират» [21, с. 172].

Упоминание рая, ада и описание нравственных качеств мусульман, которые в них попадут после Судного дня, приводятся в коранических традициях:

«Тех, кто был щедр в этой жизни, помогал несчастным сиротам,

Я видел рядом с лучшими у священного источника – Каусар» [21, с. 139];

«Из Рая "Фердаус" пришла мне благая весть.
Ради этого видения я оставил все земное» [21, с. 12];
«Если хочешь оказаться в раю, довольствуясь всем, слезно молись Аллаху.
Четыре сладких источника есть там, услада для души.
Людей, отвернувшихся от Бога, забывших к нему любовь,
Ждут тяжкие испытания, мучения в тесной могиле» [21, с. 42].

Следующая подгруппа важных для мусульман образов – это Кааба (хикметы № 106, 111), волшебный конь Пырак (№ 39, 82, 91, 113, 117, 147) история пророков Мусы, Сулеймана, Юнуса и других приводится в хикметах № 109, 116.

Вторая группа символов наиболее богато представлена у А. Ясави. Это не только символика суфизма – зикр, 99 прекрасных имен Аллаха, но и биография его основателя (№ 3), основные правила тариката Ясавия и много других важных образов. Так, самому Ходжи Ахмаду посвящен хикмет № 149, в котором припев-редиф «мой шейх Ахмед Яссави» [21, с. 189].

Хикмет № 31 – наставления суфиям, а № 50 имеет редиф «дервиши»:

«Эй, *суфийи*, если хотите увидеть Божественный лик,
«Из прекрасного небытия явились *дервиши*.
Кроме молитв-заклинаний ничто вам не интересно, *дервиши*.
По пути они свое горе превращают в камень, восславляя Создателя неустанно.
Увидев достойных людей, изрекают слова необычные *дервиши*.
Всевышнему неустанно молятся, восславляя его,
Нищета Вас не смущает, *дервиши*.
В рваной, латаной одежде, зато в *песнях сто тысяч мечтаний*.
На земные радости смотрят как на пустоту *дервиши*.
Их всегда почитай, молясь Аллаху со слезами.
Со времени Мухаммеда дошли до нас дервиши.
Раб божий Ходжа Ахмед, бедным будь, узнай мнение несчастных.
Проповедуй дервишей, суть жизни в молитвенных заклинаниях» [21, с. 67].

Много хикметов посвящено полностью зикру (№ 104) или имеют редифы о нем, например, в № 40: «Израненным сердцем исполни Зикр во имя Аллаха» [21, с. 54]. Достаточно часто говорится в хикметах об очищении сердца, его полировке «зикром пыли». Только такое чистое сердце способно отразить божественный свет и принять его, хикмет № 141: «Сердце влюбленного всегда будет очищаться Аллахом» [21, с. 178].

Традиционные для тариката Ясави формулы молитв и наставления зикра есть в хикмете № 46. Это и слова-редиф настольной книги татар «Бэдавам» («Аллах дигель бэдээвэм» – «Аллах повторяй постоянно»), и молитвенные формулы зикра, дошедшие до наших дней («астагфирулла»):

«Друзья, никогда не уставайте говорить: "Аллах".
Имя Аллаха – ключ к душе и сердцу, друзья.
Если произнести "Астапыралла – уастапиралла",
С криком умчатся шайтаны и нечисть, друзья» [21, с. 62].

Самые важные ритуально-божественные слоги «зикра пыли» ("hy-hy"), которые произносятся в ритме дыхания и сердца, даны в хикметах № 2, 68:

«Не покинув плоть, сказать "hy-hy" – пустое,
Не спрашивай совета у заблудших в пути,
Всевышний поддержит тех, у кого чисты и душа, и слова.
По этой причине в шестьдесят три года я ушел в подземелье».

«Мастер слова превзойдет благодаря "hy-hy".

Мечта влюбленных днем и ночью "hy".

О, раб божий Ахмед, сам тоже душу отдал за "hy".

Поэтому я хочу, не зная сна, на рассвете терпеливо молиться» [21, с. 83].

В хикмете № 55 непосредственно «зикр пилы» дается в ярких образах приближения к Аллаху после волшебного таинства радения:

«Разорите завесу сияния, пусть озарится вокруг.

Пусть раскроется зрение в груди от чудесных, услышанных слов.

Распилите свои бестолковые, плотские головы пилой Аллаха,

Днем и ночью молясь, приносите в жертву свои души, о, ученики» [21, с. 70].

Восьмой хикмет – это своего рода манифест тариката Ясави, провозглашает его основные нравственные идеалы:

«Не сомневайтесь, никто не останется на этой земле,

Все, что нажито, в один день уйдет в небытие.

Задумайся, куда ушли твои родители, родня?

Четырехногий деревянный конь в один из дней придет и к тебе.

Не заботься о богатстве, ни о чем не думай, кроме Бога.

Не присваивай чужое добро, на том свете ждет кара.

Ни верная жена, ни добрая сестра не будут навеки с тобой.

Будь добрым, несчастный, жизнь промчится, как ветер.

Потерпи, Кул Ходжа Ахмед, сколько лет тебе осталось жить.

Знай! Ты создан из земли и воды. В землю уйдешь опять» [21, с. 20].

Путь суфия – «тарика» – сравнивается с божественным путем, показана его несравненная сила даже над семью кругами ада:

«Божественный путь велик и изумителен,

Если раб искренне молится, приблизится к нему.

Семь кругов ада не выдержат даже искринки этого великолепия» [21, с. 23].

«Тарикат – это правила нравственности для тех, кто это понимает.

Если ты не считаешь человеком того, кто не смыслит в Божественном, он не будет походить ни на что» [21, с. 71].

Это же слово-образ символизирует и путешествие суфиев – путь духовного совершенствования, макамы восхождения к Истине («Хак») проходят для ясавитов через «шариат-тарикат-магрифат-хакикат» (хикметы № 43–44, 64):

«Тот, кто знает условия любви к Шариату,

Он должен знать и требования Тариката.

Завершив все дела Тариката,

Он нырнет в реку справедливости, друзья.

Не поклоняясь Божественному лику,

Не скучая по путешествию, не совершить его,

Очень трудно переплыть через реку Истины.

Не смыкая глаз, я увидел Божественный лик, друзья.

Эй, влюбленный, лей слезы из глаз, не жалея.

Без трудностей и мук никто счастья не достигал.

Доберись до земли обетованной, лбом коснись ее.

Тот, кто рискует головой, он добьется своего, друзья» [21, с. 59].

«Посвяти свою жизнь молитвам-заклинаниям.

Эй, не сожалея, избавься от богатства и скота.

Всегда иди вслед за лучшими людьми.

Только *двигаюсь по светлomu пути*, дойдешь до счастья, друзья» [21, с. 61].

Музыкальный компонент суфийского ритуального комплекса Ясавия – обряд «самаг» (иная версия транскрипции «сама`») включает распевание различных суфийских жанров (макамы, мунаджаты), танцы «ракс». Многие авторитетные трактаты по суфизму сообщают, что именно через музыкальные вибрации «самаг» можно приблизиться к божественному престолу. Поэтому мистические обряды дервишей должны быть доступны только посвященным людям, потому что неподготовленный мирянин может воспринять музыку, пение и танцы как светское развлекательное искусство, отвлекаясь от божественного. В хикмете № 69 подчеркивается важная роль макамов-напевов, познав которые можно приблизиться к божественному трону «арш», «небесной скрижали лаух-махфуз», «небесному перу – калам», которым была написана «лаух»:

«Макамы – напевы молитв – великолепны.

В тех напевах влюбленные рабы довольствуются всем.

Если в душу не заложить молитвы,
То будет на душе плохо.

Влюбленный, постигший этот макам-напев, выпьет вина.

Испив вина, искренне простится со своей душой.

Крепко ухватившись за крылья страсти, дальше полетит.

С интересом увидит Гарыш, Курси, Лаух, Калам» [21, с. 83].

«Вино» здесь дается как символ познания сакральных тайн и истин, Ясави чаще всего использует слово в этом смысле. Роль суфийско-мистического танца «ракс» в сочетании с пением «самаг» выделяется в хикмете № 74:

«В один день собрались ангелы для совета,

Решили подняться, ударить в "Ракс самаг".

Во время божественного полета "Миграж" Мустафа увидел это.

А теперь и мне захотелось ударить в "Ракс самаг".

Вдруг пророк Мустафа ослаб, теряя сознание,

Прибыл Жебреил, поддержал голову Мустафы.

Всевышний прислал чудесную молитву,

И как правоверный я ее запел» [21, с. 91].

В текстах татарских мунаджатов, сочиненных в более позднее время, по сравнению с хикментами Ясави, находим гораздо больше общемусульманских образов и символов – упоминается много сур Корана, цитируется большее количество из 99 прекрасных имен Аллаха. Однако для нас особенно важно наличие типичных «ясавийских» терминов и образов зикра, что свидетельствует о продолжении традиции этого тариката значительно дольше, чем указано историками. Элементы «громкого зикра» (повторение слогов «һу-һу»), фразы-редиф «Бэдавам», собственно почтительное отношение к музыкальным жанрам зикра (мунаджатам, салаватам) и внимание к образу «чистого», «отполированного» зикром сердца.

В первой группе (общемусульманская символика) выделяется упоминание в татарских мунаджатах определенных сур и аятов из Корана – № 1 «Фатиха» (ее часто называют «Эльхэм»), № 2 «Корова», 255-й аят «Курси» – «Тронный аят», № 36 «Ясин» («сердце Корана»), № 67 «Власть» («Мэлек», «Тэбарэк»), № 97 «Могущество» («Кадер»), № 112 «Ихлас» (второе название «Колһуаллах», «Очищение веры»). Сама главная книга мусульман названа разными именами – «Калэм Шэриф» («Священное Сло-

во») [18, с. 52], «Фэркан» (разделитель плохого и хорошего) [18, с. 151], «Кэлямудла» (божественное слово), «Лэухелмэхфуз» (священный прообраз Корана – скрижаль»). Многие мунаджаты содержат припевы-редифы, например: «Кичен, кэндез укы Коръан!» («Вечером и днем читай Коран!») [18, с. 53]; «Укы Коръан илэ намаз!» («Читай Коран, держи намаз!») [18, с. 62].

Пророку Мухаммаду посвящены отдельные главы в сборниках татарских народных мунаджатов, его именами-эпитетами служат – «пэйгамбэр», «хабиб», «рэ-сул». Среди важных коранических образов – Азраил, ангел смерти (Малик ал-маут), Иблис-дьявол (Азазил), ангел Джабраил (Гавриил), Исрафил (ангел, который будет трубить о наступлении конца света). Также часто освещаются образы Каабы, места хаджа, главная мечеть Мекки.

Общие для всех мусульман молитвенные тексты: шахада («тэхлил») – «Лә иләһи илләллаһу» («Нет Бога, кроме Аллаха»), и такбир – «Аллаху акбар!» («Аллах велик!») часто используются как редиф-припев в татарских мунаджатах [18, с. 76–81].

В мунаджате «О, счастье» [18, с. 202–205] перечисляются имена всех известных библейских пророков – Идрис, Ной, Ибрагим, Исмагил, Яхъя, Давид, Сулейман-Соломон, Якуб, Иосиф, Муса-Моисей, Аюб, Юнус, Закария, Ильяс и сами мировые священные книги – Тора, Псалмы Давида, Евангелие (Инжиль).

Важные события истории ислама – мирадж, волшебное вознесение Мухаммада из Мекки к престолу Аллаха на чудесном животном Бураке, Судный день «ахирэт», «сират купере» («мост над адом – тоньше волоса, острее меча») часто приводятся в мунаджатах:

«О, Аллах, увеличится святость, дай нам легко пройти мост,

Вложи нам книгу наших дел в правую руку!» [18, с. 135, 143, 179]

Описание райских садов, его волшебный ручей «Кэусэр», пятый райский сад «Фирдаус» – все это в мунаджате – «Жэннэт эче – хозур бакча». По канонам ислама в рай попадут мусульмане, которые после смерти прошли мост «сират», получили книгу своих праведных дел в правую руку, знали наизусть Коран и 99 прекрасных имен Аллаха:

«Сабыр кол жэннэт ишеген уз куллары белэн ачар» («Терпеливый раб божий открывает двери рая своими руками») [18, с. 264]. Для описания ужасов ада используются следующие эпитеты: *тэмуг, жэхэннэм, сэкарь*.

Вторая группа символов. Слово *зикр* встречается почти во всех татарских мунаджатах в значении «помолимся, друзья», а также в разных смысловых сочетаниях – поминание имени Аллаха, специальная молитва, образ пения «райских птиц, выпевающих зикр на могиле Пророка». Тексты мунаджатов изобилуют молитвенными формулами зикра, которые часто выделяются как редиф (повторяющаяся в каждой строфе группа слов или словосочетание-припев, любимый прием восточных поэтов), например: *тасбих* («Субханаллах»).

Как основной элемент дыхательных упражнений суфийских радений в текстах татарских мунаджатов часто описывается *калб* «сердце». Внимание к работе сердца в «ритме дыхания» является частью упражнений тарикатов Ясавия и Накшбандия. Среди разных контекстов использования этого слова встречается и этический аспект: «Почернело сердце от множества грехов» [18, с. 173].

Знание и чтение наизусть 99 прекрасных имен Аллаха («Асма аль-Хусна») часто встречается в описаниях суфийских зикров как обязательный элемент радений. Вот список наиболее употребительных в татарских мунаджатах имен:

- № 3. Ар-Рахман – Милостивый,
№ 4. Ар-Рахим – Милосердный,
№ 11. Аль-Джаббар – Могущественный,
№ 13. Аль-Халик – Творец всего сущего,
№ 14. Аль-Бари – Тот, Который сотворил мир по своему могуществу без каких-либо усилий,
№ 16. Аль-Гаффар – Прощающий,
№ 18. Аль-Ваххаб – Податель щедрот,
№ 36. Аль-Гафур – Прощающий грехи людей, несмотря на их обилие,
№ 38. Аль-Алийй – Высочайший; Возвышенный,
№ 43. Аль-Джалиль – Величественный,
№ 44. Аль-Карим – Щедрый,
№ 69. Аль-Кадир – Всемогущий,
№ 80. Ат-Таваб – Принимающий покаяние,
№ 88. Аль-Гани – Истинный Обладатель богатства,
№ 90. Аль-Мани – Тот, от повелений которого зависит порядок во вселенной [3, с. 40].

Среди народно-суфийских эпитетов, которые часто звучат как синонимы имен Бога, встречаются доисламско-языческие: Хак («Истинный»), Хак Тэгалэ («Истинный Всевышний»), Лэхулла («Боже»), Бер Ходаем («Единственный Боже»), Ну («Аллах»), Раббым Алла («Господь мой»), Илаһым («Боже мой»), Йа-ну («Боже»), Үзе («Сам, Он»), Сэттар («Заслоняющий»), Хэннан («Милосердный»), Мэула («Хозяин, Властитель»), Пэрвэрдигяр («Бог» на перс. языке), Тэнре («Тенгре» – имя доисламского божества болгар, татар).

Заключение

Подводя итоги сравнения, можно сделать следующие выводы: наибольшее количество совпадений слов-образов и символов приходится на первую общеисламскую группу – это образы Судного дня, Рая, Ада, Сирата, имена пророков, тексты из Корана. Возможно, это объясняется названным выше фактом, что мунаджаты использовались в обучении татар в Средние века, и поэтому основные сведения об исламе, «распеты» в этом жанре, лучше запоминались молодежью. Собственно суфийские параллели мунаджатов и хикметов по второй группе символических форм находим в подгруппе имена-эпитеты Аллаха («Гафур», «Пэрвэрдигяр», «Ну», «Хак», «Мэула»). Также много общего в описаниях зикра, образов «сердца» именно с оттенком традиции Ясавия. Важное место суфийские музыкальные жанры занимают в жизни мусульман-татар, свидетельством тому являются почитание нравственно-этических идей хикметов Ясавия и повторение их в татарских мунаджатах. Сотни мунаджатов уже собраны и продолжают создаваться народными талантами, сохраняя образы-символы Корана, Сунны. Нормативные догматы тарикатов Ясавия и Накшбандия, синтезировавшись в народном сознании татар, приобрели черты особого *казанско-татарского суфизма, казанского зикра*, который еще ждет своего изучения и подробного исследования, несмотря на проблемы источниковедения по этому вопросу.

Важный вывод подобного сравнительного анализа – это несомненное влияние традиции суфийского тариката шейха Ахмада Ясави на татарскую традиционную культуру. Особое почитание этого тюркского шейха отражается в фольклоре и исламской культуре поволжских татар – это общепринятый исторический факт. Однако подробное

изучение не было предпринято достаточно долго по разным причинам. Понимание общности образов-символов дает возможность по-новому, более глубоко взглянуть на традиционную культуру татар в контексте общей мировой исламской истории и конкретно тюркской линии истории суфизма.

Литература

1. *Абдуллоев О.Н.* Сопоставительный анализ «Хамсы» (пятерицы) Алишера Навои и Амира Хосрова Дехлеви: дис. ... канд. филол. наук [Худжандский государственный университет им. академика Б. Гафурова]. – Душанбе, 2014. – 211 с.
2. *Азизи Ф.А.* Маком и фалак как явления профессионального традиционного музыкального творчества таджиков: автореф. дис. ... д. искусствоведения. – Новосибирск, 2009.
3. *Али-заде Айдын.* Исламский энциклопедический словарь. – М.: Ансар, 2007. – С. 40.
4. *Ансари, Хваджа Абд Аллах.* Мунаджат. Сокровенные молитвы: пер. с дари. – М.: Номос, 2004. – 106 с.
5. *Ахунов А.М.* Исламизация Волжско-Камского региона (VII–X вв.): на материале арабских и старотатарских источников. – Казань: Отечество, 2003. – С. 151.
6. *Бакиров М.Х.* Татар фольклоры: Югары уку йортлары өчен дәреслек. – Казан: Мәгариф, 2008. – 359 б.
7. *Гумеров И.Г., Сайфулина Ф.С.* Творчество Гали Чокрия: традиции суфийской литературы Востока // Филология и культура. – 2013. – № 3 (33). – С. 210–214.
8. *Еникеева А.Р.* Татарский фольклор как феномен народной культуры и основной ресурс этнопедагогике // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 1. – С. 81–85.
9. *Зайнуллин Г.Г.* Арабо-мусульманские рукописи Н.Г. Чернышевского // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2006. – Т. 148, кн. 2. – С. 99–109.
10. *Макаров Г.М.* Музыка старотатарской письменной поэзии как составная часть средневековой элитарной культуры Волго-камского региона // Музыка. Искусство, наука, практика. – Казань: Издательство Казанской государственной консерватории (академии) им. Н.Г. Жиганова, 2016. – № 1 (13). – С. 29–40.
11. *Мунаджаты: Мөнәжәтләр.* – Казань: Иман, 2000. – 232 с.
12. *Сайдашева З.Н.* О необходимости междисциплинарной направленности в исследовании татарского музыкального фольклора // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 2. – С. 20–27.
13. *Сайфулина Г.* Багышлауга багышлау. Багышлау (посвящения) в контексте культуры народного ислама волжских татар. – Казань: Иман, 2005. – 79 с.
14. *Сайфулина Г.Р.* Наследие Йасавийа в Евразийском пространстве: традиции волжских мусульман // Ладовые коммуникации в Евразийском музыкальном пространстве: материалы Международной научной конференции. – Казань: Издательство Казанской государственной консерватории (академии) им. Н.Г. Жиганова, 2015. – С. 49–59.
15. *Сокровищница зикра. Книга поминания Аллаха.* – Казань: Иман, 2000. – 36 с.
16. *Федорова Е.С.* Музыка в суфийской ритуальной практике // Исламоведение. – 2014. – № 3. – С. 65–71.

17. Хасаевнех А.А. О поэтическом сборнике Абульманиха Каргалый // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 1 (55): в 2 ч. – Ч. 1. – С. 78–81.
18. Хуснуллин К. Мунаджаты и баиты: Мөнәжәтләр һәм бәетләр. – Казань: Раннур, 2001. – 724 с.
19. Шихалиев Ш. Суфийские вирды Накшбандийа и Шазилия в Дагестане // Вестник Евразии. – 2007. – № 3. – С. 141.
20. Юсупов А.Ф. Суфийская лексика в языке поэтических произведений XIX века // Исламоведение. – 2015. – № 3. – С. 71–76.
21. Яссави Ходжа Ахмед. Хикметы / общ. ред. и предисл. М.Х. Абусеитовой; излож. пер. на рус. яз. Н.Ж. Сагандыковой; коммент. З. Жандарбека. – Алматы: Дайк-Пресс, 2004. – 208 с.

References

1. Abdulloev O. N. *Sopostavitel'nyi analiz "Khamsy" (pyateritsy) Alishera Navoi i Amira Khosrova Dekhlevi: dissertatsiya ... kand. filolog. nauk: [Khudzhandskii gosudarstvennyi universitet imeni akademika B.Gafurova]*. Dushanbe, 2014. – 211 s.
2. Azizi F.A. *Makom i falak kak yavleniya professional'nogo traditsionnogo muzykal'nogo tvorchestva tadjikov. [The Phenomenon of professional traditional musical art of the Tajiks and Falak od makomo]* Avtoref. ... doktora iskusstvovedeniya. – Novosibirsk, 2009.
3. Ali-zade, Aidyn. *Islamskii entsiklopedicheskii slovar'*. [Months. Islamic encyclopedia] Moscow: Ansar, 2007. – S. 40.
4. Ansari, Khvadzha Abd Allakh. *Munadzhat. Sokrovennye molitvy. [The munajat. Hidden Molina.]* Perevod s dari. Moscow: Nomos, 2004. – 106 s.
5. Axynov A.M. *Islamizatsiya Volzhsko-Kamskogo regiona (VII-X vv.): Na materiale arabskikh i starotatarskikh istochnikov. [Islamization in Volzhsk-Kama region (VII–X centuries): Arabic and old Tatar sources]* Kazan': Otechestvo, 2003. – S. 151.
6. Bakirov M. X. *Tatar fol'klory: Yugary uku iortlary ochen dāreslek.* – Kazan: Məgarif, 2008. – 359 s.
7. Gumerov I.G., Saifulina F.S. *Tvorchestvo Gali Chokryya: Traditsii sufiiskoi literatury Vostoka [Sayfulina Creativity Ghali Chakrya: Traditions of Sufi literature of the East]* *Filologiya i kul'tura. [Philology and culture]* 2013, № 3 (33). – S. 210–214.
8. Enikeeva A.R. *Tatarskii fol'klor kak fenomen narodnoi kul'tury i osnovnoi resurs etnopedagogiki [Tatar folklore as a phenomenon of popular culture and a primary resource ethnopedagogics]* *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Vestnik of the Kazan State University of culture and arts]* 2013, № 1. – S. 81–85.
9. Zainullin G.G. *Arabo-musul'manskie rukopisi N.G. Chernyshevskogo [The Arab-Muslim manuscripts N.G. Black Sheva]* *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. [Scientific notes of the Kazan state university. Humanities.]* 2006. Vol. 148, Iss. 2. – S. 99–109.
10. Makarov G.M. *Muzyka starotatarskoi pis'mennoi poezii kak sostavnaya chast' srednevekovoi elitarnoi kul'tury Volgo-kamskogo regiona [Music the old-Tatar writing of poetry as an integral part of the medieval elite culture of the Volga-Kama region]* *Muzyka. Iskusstvo, nauka, praktika. [Music. Art, science and practice]* Kazan': Izdatel'stvo Kazanskoi gosudarstvennoi konservatorii (akademii) im. N.G. Zhiganova, 2016, № 1 (13). – S. 29–40.
11. *Munadzhaty: Mönәжәтләр.* – Kazan': Iman, 2000. – 232 s.

12. Saidasheva Z. N. O neobkhdimosti mezhdistsiplinarnoi napravlennosti v issledovanii tatarskogo muzykal'nogo fol'klora [The necessity of interdisciplinary trends in the study of the Tatar musical folklor] *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv.* [Vestnik of the Kazan state University of culture and arts.] 2013, № 2. – S. 20–27.

13. Saifullina G. *Bagyshlauga bagyshlau. Bagyshlau (posvyashcheniya) v kontekste kul'tury narodnogo islama volzhskikh tatar.* [Boguslawa, Boguslaw. Boguslaw (dedicated deposits) in the context of the culture of popular Islam of the Volga Tatars] Kazan': Iman, 2005. – 79 s.

14. Saifullina G.R. Nasledie Iasaviia v Evraziiskom prostranstve: traditsii volzhskikh musul'man [The legacy of the Yasaviyya in the Eurasian space: the tradition of the Muslims of the Volga] *Ladovye kommunikatsii v Evraziiskom muzykal'nom prostranstve: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* [The Modal of communication music in the Eurasian space: Materials of International scientific conference] Kazan': Izdatel'stvo Kazanskoi gosudarstvennoi konservatorii (akademii) im. N.G. Zhiganova, 2015. – S. 49–59.

15. *Sokrovishchnitsa zikra. Kniga pominaniya Allakha.* [A treasure trove of dhikr. The book of remembrance of Allah.] – Kazan': Iman, 2000. – 36 s.

16. Fedorova E.S. Muzyka v sufiiskoi ritual'noi praktike [Music in Sufi ritual practice] *Islamovedenie.* [Islamic studies] 2014. № 3. – S. 65–71.

17. Khasavnekh A.A. O poeticheskom sbornike Abul'manikha Kargalyi [About poetry collection Analmania Kar-Galy] *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* [Philological Sciences. Issues of theory and practice] Tambov: Gramota, 2016, № 1 (55): v 2 ch. Iss. 1. – S. 78–81.

18. Khusnullin K. *Munadzhaty i baity: Mönәңәәtlär һәм бәетләр.* – Kazan': Rannur, 2001. – 724 s.

19. Shikhaliev Shamil'. Sufiiskie virdy Nakshbandiia i Shaziliia v Dagestane [Viridi Naqshbandiyya Sufi and Sha-Zilia in Dagestan] *Vestnik Evrazii.* [Bulletin of Eurasia] 2007, № 3. – S.141.

20. Yusupov A.F. Sufiiskaya leksika v yazyke poeticheskikh proizvedenii XIX veka [Sufi vocabulary in the language of the poetic Proizvedeni of the XIX century] *Islamovedenie* [Islamic studies] 2015, № 3. – S. 71–76.

21. *Yassavi Khodzha Akhmed. Khikmety* [Yasawi, Khoja Ahmed. The Poems] Obshch. red. i predisl. M.X. Abuseitovoi; Izlozh. per. na rus. yaz. N. Zh. Sagan'dykovoi; Komment. 3. Zhandarbeka. Almaty: Daik-Press, 2004. – 208 s.